

Лао Гао крутил баранку у Гоуданя уже много лет. Пришёл в компанию с самого её основания и с тех пор трудился не покладая рук, честно и на совесть. Для него хозяин всегда оставался примером редкой хватки: поднять своё дело с нуля, когда тебе нет и тридцати, да ещё и без влиятельной родни за спиной — задача почти невыполнимая.

Кто же знал, что дела у молодого босса пойдут в такую гору? Впрочем, дело шофёрское — крути колёса да помалкивай, благо Гоудань на оплату никогда не скупился. Лао Гао возил его в контору, забирал со светских раутов и деловых ужинов, а ведь личный водитель порой видит куда больше, чем положено простому наёмнику.

Но давеча на рассвете раздался звонок: босс велел подать машину к дверям одного приметного отеля. Лао Гао тут же развернул авто и покатил по адресу. Вот только на месте он своего благодетеля едва признал.

Из дверей гостиницы вышли Гоудань и господин Ван, вырядившиеся точь-в-точь как шпана со спальных окраин. Штаны мешковатые, на куртках — целая гирлянда каких-то блестящих железных колец, готовых вот-вот зазвенеть при каждом шаге. На головах по самые брови натянуты бейсболки, на ногах — яркие кроссовки.

Покрась они шевелюры в кислотный цвет — вылитые «шаматэ». И ведь ладно бы смотрелось нелепо, но оба статные, высокие, и этот хулиганский прикид им, чертям, на удивление шёл, мгновенно скинув лет десять. Теперь понятно, к чему маскировка с козырьками: попадись они в таком виде на глаза деловым партнёрам — позора не оберёшься.

Прежде-то хозяева из офиса носа не показывали без строгих, с иголки, костюмов. Лао Гао, если бы Гоудань активно не замахал ему рукой с тротуара, преспокойно проехал бы мимо. Ему и в голову прийти не могло, что столь солидные господа способны на подобные чудачества.

Расспрашивать о делах господ он, конечно, не стал — не его ума дело, но любопытство так и подтачивало изнутри. Зачем им этот маскарад? Неужто решили тряхнуть стариной и полночи зажигали в каком-нибудь модном молодёжном клубе?

Сегодня, когда на мобильном снова высветился номер босса, водитель морально приготовился к очередному культурному шоку. К счастью, обошлось: хозяева выглядели солидно и привычно. И как только умудрились захватить сменную одежду? Или заказали доставку прямо в номер? Верно, так и было.

Ну и слава богу. Одно дело — разок подурачиться ради забавы, и совсем другое — превратить это в привычку. Для старика Лао Гао такие потрясения вредны. Пока он предавался воспоминаниям, на заднем сиденье завязался неторопливый разговор.

— Этому директору Чжану уже под полтинник, кажется, сорок пять стукнуло. Чего это он только сейчас жениться надумал? — лениво спросил Ван Сюань.

— Так брак-то второй, — отозвался Гоудань. — С прежней супругой едва успел разойтись. Нынешняя пассия — бывшая любовница. Залетела, уверяет, что будет пацан. Пригрозила: либо законный брак и пышная свадьба, либо она идёт на аборт. Вот старик и поплыл.

— М-да, дела, — покачал головой Ван Сюань. — А дочке его от первого брака сколько сейчас? Пять или шесть? Помнится, мы её приглашали на день рождения нашего Лаосаня. Странно всё это. Мужчины в его возрасте, женясь во второй раз, стараются не афишировать личную жизнь. Да и бывшая его благоверная — баба с характером, далеко не промах. Неужто так просто дала развод?

— В народе болтают, будто разлучница оказалась хваткой, а Чжан расторг брак ради наследника, — хмыкнул Гоудань. — Но на деле всё вышло наоборот. Бывшая жена сама подала на развод. Собрала документы, оттяпала у него добрую половину состояния, забрала дочку и укатила за границу. Нашего Чжана от такого расклада чуть кондрашка нехватила.

Нынешние олигархи только с виду купаются в золоте. На деле же всё их богатство — это ценные бумаги развивающегося бизнеса да недвижимость. Живых денег на счетах всегда в обрез. Иной раз смотришь: господин лощёный, летает бизнес-классом, а за душой — одни кредиты, да и вилла с лимузином давно заложены-перезаложены под проценты.

Так что легко представить, каким ударом для Чжана стало требование бывшей выплатить её долю звонкой монетой. Пришлось спешно пускать под нож ликвидные активы, вытаскивать наличку из оборота компании. А не дать нельзя: экс-супруга крепко держала его за горло, да и её влиятельная родня не собиралась спускать дело на тормозах. Она сразу заявила, что акции её не интересуют — подавай кэш. Сам Чжан делиться долей в бизнесе тоже не горел желанием, вот и пришлось выгрести все закрома. Сумма вышла астрономическая.

Стал бы затягивать тяжбу — новая пассия избавилась бы от плода, а старая всё равно бы его обобрала. Чтобы не остаться у разбитого корыта, директору Чжану пришлось покорно подписать бумаги.

— Подумаешь, велика ценность — сын, — фыркнул Ван Сюань. — Дочка-то взрослая почти, глядишь, через пару лет зять внуков принесёт.

— Тут тонкое дело, — покачал головой Гоудань. — У Чжана ведь мать старая ещё жива, плешь ему проела — подавай наследника рода. Сам Лао Чжан, между нами, страдает бесплодием в лёгкой форме. Старики-то не в курсе, оттого и грызли бывшую сноху почём зря. Чжан женился поздно, дочку родил под сорок и уже смирился, что продолжения фамилии не предвидится. А тут — бац! — любовница нагуляла от него пацана. Сам понимаешь: чего у человека нет, того ему больше всего и хочется. Думал, тихонько заберёт младенца, как родится, да сам воспитает, но законная супруга устроила бунт на корабле, да и зазноба новая оказалась той ещё штучкой. Ну а теперь, когда капиталы Лао Чжана так знатно растаяли, акулы бизнеса наверняка почуяли кровь и начали кружить рядом.

Ван Сюань легонько ткнул мужа локтем в бок:

— И откуда у тебя такие интимные подробности? Мужское бессилие — штука деликатная, о ней на каждом углу не кричат.

Гоудань лишь загадочно усмехнулся:

— Случайно ухо приложил где надо.

— Признавайся, что ты задумал? — прищурился Ван Сюань. — Не поверю, будто ты притащился на это торжество из чистой вежливости.

— Разумеется, нет. Хочу лично посмотреть, какие крокодилы соберутся у болота в надежде урвать кусок пожирнее.

— Да, Лао Чжан поднялся сам, хоть и не без помощи тестя. Отгрохал целую империю: тут тебе и IT-сфера, и шинный завод, и лакомые куски в недвижимости.

— Зверь был опасный, спору нет, — кивнул Гоудань. — Но хищник состарился и потерял бдительность. А раз так, глупо винить других плотоядных за то, что они облизываются на его кровь. Красивое личико порой пострашнее яда будет. К тому же бывшая супружница, с которой они этот бизнес по кирпичику собирали, — баба железная. Она все его трещинки и уязвимые места наизусть знает. Разве скроешь от соратницы косяки в бухгалтерии? Стоило один раз оступиться — и полетел под откос. Теперь его судьба зависит исключительно от того, успеет ли он вовремя сообразить, куда дует ветер.

В мире чистой наживы бизнес — та же война. Крови не видно, но кости трещат исправно. Нынче ведь рынки тесно переплелись, границы стёрлись, и фигуры такого масштаба порой становятся пешками в глобальных играх целых государств. Сделаешь неверный шаг — раздавят и не поморщатся. А Лао Чжан умудрился слить половину активов на ровном месте. Закон джунглей прост: слабого добивают. Желающих поживиться за его счёт сейчас хоть отбавляй. Да и сама корпорация «Триумф» вымахала до таких размеров, что её собственный кусок пирога выглядит чертовски соблазнительно. Вокруг их владений тоже рыщет немало голодных стай, выжидая малейшую оплошность. Только вот Гоудань отдавать своё без боя не собирался. Зачем становиться чьим-то обедом, если можно самому сожрать соседа?

— Ого, ну и размах, — протянул Ван Сюань, глядя в окно на подъезжающие лимузины у входа в банкетный зал.

— Как-никак великая шишка, — усмехнулся Гоудань. — Но устраивать такое шоу на второй свадьбе... Старый скряга явно рассчитывает собрать с нас побольше подарочных конвертов. Что ж, пусть берёт. Зато я выберу удачный момент и заберу у него гораздо больше.

Ван Сюань скосил на него глаза:

— И когда это ты успел превратиться в такого скрягу?

— А я всегда был бережливым! Мне ещё дочке приданое собирать. Чжэньчжэнь у меня красавица, да при деньгах — завидная невеста. А если приличного мужа не найдётся, выдавать замуж не станем, возьмём зятя в примаки. Пусть сам в нашу семью входит.

— Ну тебя, неси поменьше чепухи, — беззлобно шикнул Ван Сюань, слегка шлёпнув его по ладони, чтобы тот попридержал язык. — Для каждого родителя свой ребёнок — сокровище. Думаешь, другие своих сыновей не ценят? Тоже мне, выискался консерватор. Из какого склепа ты этот обычай вытащил?

Отношения у них с Лао Чжаном давно не ладились, вернее сказать — они находились на ножах, однако приличия обязывали держать марку и на публике натянуто улыбаться. Ван Сюань лишь искренне недоумевал: с какой радости Чжан вообще прислал приглашение Гоуданю?

— Не думал встретить вас двоих на этом балагане. Шуму-то подняли, — раздался за спиной голос директора Чжоу.

— Директор Чжоу! Какими судьбами? — Гоудань обернулся с радушной улыбкой. — Дело-то благое. Лао Чжану под пятьдесят, а урвал себе молоденькую студентку. Настоящий счастливчик! Говорят же в народе: мужику для полного счастья нужно подняться в чинах, разбогатеть да вовремя овдоветь. Как тут не прийти и не поздравить дорогого друга?

— Ха-ха-ха, ну ты и язва! — покачал головой директор Чжоу, погрозив Гоуданю пальцем. Он тоже принадлежал к узкому кругу посвящённых, знавших и про деликатную проблему жениха, и про сокрушительный удар по его счетам.

Оба дельца прекрасно понимали друг друга без лишних слов. Кто знает, возможно, в скором времени им найдётся что обсудить за закрытыми дверями?

Пока они обменивались светскими любезностями, в кармане Гоуданя истошно зазвонил мобильник. На экране высветился домашний стационарный номер. Гоудань кивнул Ван Сюаню, увлекая его прочь от толпы в сторону тихой гостевой комнаты. Едва он дошёл до дверей, звонок сорвался, но тут же затрещал аппарат Ван Сюаня.

— Из деревни звонят, — нахмурился Ван Сюань, глядя на экран. — Алло, Сяо Лю? Что стряслось?

Сяо Лю не успел и слова вымолвить, как трубку у него бесцеремонно перехватил Бэйшэн. Его взволнованный голос так и повалил из динамика.

— Что?! — Ван Сюань мгновенно переменялся в лице. — Насколько всё плохо? Живой?!

Слушая сбивчивые объяснения на том конце провода, Ван Сюань резко оборвал собеседника:

— А ну-ка дай трубку Сяо Лю. Живо!

— Господин Ван, простите... — раздался виноватый голос охранника. — Это наша вина, недоглядели.

— Что с Чэнху? — перебил Ван Сюань, сжимая трубку до побелевших костяшек.

— Жизни молодого господина ничего не угрожает, — торопливо заговорил Сяо Лю. — Рог прошёл вскользь по животу. Обошлось содранной кожей да сильным ушибом, внутренние органы целы. Раны уже обработали. Ещё у него сильные гематомы на левом бедре, ягодице и плече, но кости и сухожилия не повреждены.

— Понял. Скоро будем, — выдохнул Ван Сюань.

На том конце провода Сяо Лю всё ещё трясло от пережитого страха. Бэйшэн стоял рядом бледный как полотно. Оба прекрасно знали, какими свирепыми бывают водяные буйволы, особенно гонные самцы. Случись непоправимое, телохранители до конца дней не отмылись бы от позора за столь чудовищную халатность, да и Бэйшэн извёл бы себя чувством вины. То, что мальчик отделался лишь синяками и испугом — чистейшее чудо.

Гоудань шагнул ближе, хватая мужа за плечо:

— Что случилось? Я краем уха услышал имя Чэнху. С ним беда?

Ван Сюань шумно выдохнул, прислонившись к косяку:

— Пронесло. Чэнху сейчас в больнице. Жить будет, но поболеть парню придётся знатно.

Выслушав сбивчивый пересказ мужа, Гоудань помрачнел. Оба они выросли в глухой деревне и отлично помнили, как свирепо бьются огромные колхозные буйволы. Когда эти туши сходились рог к рогу, ни один смельчак во всей округе не решался подойти, чтобы растащить их или увести за повод.

Буйволы в ярости страшны — прут напролом, не видя ничего перед собой. От ударов их массивных изогнутых рогов воздух сотрясается от глухого треска. В брачный период они бьются не на жизнь, а на смерть, круша рога в щепки, калеча и забивая соперников до полусмерти. Когда такие махины сшибаются, земля дрожит, а из-под копыт летит жидкая грязь. Сила у этих тварей просто невероятная.

Если такая скотина подцепит ребёнка на рога, пиши пропало. В лучшем случае — тяжелейшие

увечья, в худшем — рог распорет брюшину или затопчет копытами насмерть.

— Вот же проклятье, — процедил сквозь зубы Гоудань. — Не зря сейчас все на обычных коров переходят. Водяной буйвол, конечно, силен и вынослив, но нрав у него совершенно дикий. Ладно ещё держать корову, но зачем они племенного быка на пастбище оставили?

Обычные домашние бычки и мельче, и покладистее в разы.

Оставаться на празднике не было никакого смысла. Мужчины спешно покинули отель. На ходу Гоудань набрал секретарю, велел немедленно забронировать билеты на ближайший рейс. Отказавшись от сопровождающих, они лишь распорядились, чтобы в аэропорту прибытия их встретила машина охраны. Вся поездка вышла быстрой и неприметной.

Пусть Сяо Лю и заверил, что Чэнху поправится, родительское сердце было не на месте. Мальчик совсем кроха, как тут усидишь в городе?

Окружная больница

Бэйшэн зашёл в палату и подошёл к койке, на которой Чэнху с тихим кряхтением пытался устроиться поудобнее:

— Чэнху, звонил твой папа. Они с отцом уже вылетели. Часа через три будут здесь.

— Папа едет?! — обрадовался мальчик и попытался приподняться на локтях, но тут же охнул от резкой боли в растёртом зелёнкой боку и со стоном откинулся на подушки.

Сидевший у изголовья Ли Сы чуть не заплакал от жалости к внуку. Господи, когда ему впервые сообщили эту новость, у него едва сердце не остановилось — в самом прямом смысле. Если бы дежуривший рядом телохранитель вовремя не подхватил обмякшего старика под мышки и не начал тереть ему виски, уверяя, что малец жив, в соседнюю палату пришлось бы укладывать ещё одного пациента.

А уж госпожа Яо и вовсе иссохла от слёз, без умолку шепча благодарственные молитвы Будде Амитабхе за спасение неразумного дитяти.

<http://bllate.org/book/19654/1996904>